

П.Д. Батюшкин

DOI: 10.25693/SVGV.2020.01.30.02

УДК 94:343.26(571.56)

Уголовные ссыльные в Якутской области в XIX в. (на примере судьбы Павла Аристова)

В статье автор вкратце рассмотрел основные положения о разрядах и категориях ссыльных, направляемых на поселение в Якутскую область, показал практику наказания преступников в XIX в., впервые исследовал «якутский период» в судьбе Павла Аристова – человека, осужденного за многочисленные преступления и отбывавшего наказание на территории Вилюйского округа. Автором изучены следующие моменты его жизни: совершенное им преступление, за которое его приговорили к каторге, попытки к бегству и наказание, в результате которых он оказался на территории современного Вилюйского улуса Республики Саха (Якутия). Наиболее полно Павел Аристов упомянут великим писателем Ф.М. Достоевским в «Записках из Мертвого дома». Кроме того, согласно старой трактовке, долгое время было принято считать его прообразом одного из героев романа «Преступление и наказание». Однако, последние исследования доказывают ошибочность такого мнения. На примере судьбы Аристова приводятся красноречивые сведения о пребывании уголовных преступников, ссы-

© Батюшкин П.Д., 2020

лавшихся в Якутию в дореволюционный период. Затронут вопрос о роли золотых приисков в жизни ссыльных в Якутии. Кроме того, рассмотрена практика содержания ссыльнопоселенцев инородческим обществом. Автор приходит к выводу о том, что отправка преступников в Якутию негативно сказывалась на общественном развитии края.

Ключевые слова: ссылка, разряд ссыльных, Сибирь, Якутская область, Ф.М. Достоевский, П. Аристов, золотые прииски, Земский суд, IV Тогульский наслег, епископ Дионисий

С момента присоединения к Российскому государству ссылка в Якутию рассматривалась как мера карательного и административного наказания. В первом случае речь идет о традиционной мере уголовного наказания. Уже в Соборном Уложении 1649 г. было установлено два вида ссылки: направление на службу и высылка на житье в Сибирь, на Лену. Десятью годами ранее этой даты в Сибирь впервые стали высылать преступников, а с 1754 г. ссылка становится постоянной. Через какое-то время на север высылали уже в колонизационных целях: громадные территории необходимо было осваивать, в том числе и с помощью ссыльных.

Исходя из этих задач, на протяжении XVII–XIX вв. формировалась система законов в отношении уголовной, политической и религиозной ссылки. В Уставе о ссыльных 1890 г. говорится о пяти разрядах людей, ссылаемых в Сибирь: ссыльнокаторжные, ссыльнопоселенцы, сосланные на житье, сосланные на водворение (бродяги) и переселенные в Сибирь в административном порядке [Макаров, 2005, с. 19].

Ссыльнокаторжные, в свою очередь, делились на три разряда и направлялись на рудники, заводы, фабрики Сибири, на о. Сахалин, или размещались в специальных тюрьмах. Наиболее сложной считалась работа по добыче руды, на которой трудились каторжники первого разряда (срок от 12 до 20 лет). Местом наказания для большинства осужденных считались Иркутское и Приамурское генерал-губернаторства.

Приговоренных судом на поселение преступников отправляли в Сибирь на вечное поселение или на длительный срок. Иногда, если речь шла о менее опасных нарушениях закона, в административном порядке могли отправить на поселение и без суда.

Сосланные на «житье» в зависимости от тяжести преступления также делились на пять степеней. Свободное перемещение такой категории ссыльных по месту житья (1–4 степени)

ограничивалось, вплоть до запрета покидать селение в течение определенного времени. Лишь приговоренные по пятой степени имели право отлучаться по губернии или области, в которые они были сосланы.

Люди, пойманные без документов, подтверждающих их личность, либо люди, которые не могли (или не хотели объяснить) своего настоящего имени и положения, попадали под категорию бродяг. К ним же относили людей, выдающих себя за других. Что интересно, согласно законодательству, в Якутскую область бродяги не должны были поступать, так как должны были работать в качестве водворяемых рабочих на фабриках и заводах. За неимением последних надобность в рабочих руках, казалось бы, отпадала, но это правило постоянно нарушалось, и бродяги периодически попадали на территорию области.

Ссылка в административном порядке представляла собой сложный комплекс мероприятий, состоявший из череды указов и Высочайших повелений. Изначально в административном порядке в Сибирь ссылалось небольшое количество людей, но вскоре такой тип наказания стал преобладающим: число административно сосланных в Сибирь значительно превысило количество ссылаемых по суду. В таком порядке ссылались разные категории людей: от отбывших наказание, но не принятых обратно своим «обществом» крестьян до государственных преступников [Там же, с. 19–25].

Кроме того, ссыльные делились по причине и характеру на государственных, политических, общеуголовных и сосланных по религиозным мотивам.

Наиболее массово в Якутскую область стали высылать с середины XIX в. К примеру, в 1884 г. в Якутской области проживало ссыльных разных категорий 7948 человек (из них 1533 человека числились как прибывшие вместе члены семьи). В процентном соотношении абсолют-

ное большинство из них составляли уголовники (74 % – 4725 человек), на втором месте – раскольники разного толка (24 % – 1540), участники национально-освободительного движения и участники революционного движения в России составляли 1 % (64 и 86 соответственно). По мнению И.Г. Макарова, указанное процентное соотношение примерно сохранялось и в последующие годы [Там же, с. 4]. Если в силу известных причин последняя категория ссыльных в целом изучена, то об остальных категориях сосланных и их судьбах мы практически ничего не знаем. Среди них иногда попадаются «интересные» персонажи. Одного из них, Павла Аристов, описал Ф.М. Достоевский в повести «Записки из Мертвого дома». Считается, что повесть носит документальный характер и знакомит читателей с бытом заключенных в Сибири. Кроме того, следует отметить, что литературоведческая традиция, восходящая к В.Л. Комаровичу и Л.П. Гроссману, рассматривала его как прототипа героя «Преступления и наказания» Аркадия Свидригайлова. Эта версия была закреплена в примечаниях к 1-му академическому Полному собранию сочинений Достоевского. Однако, доктор филологических наук, зам. директора по научной работе Литературно-мемориального музея им. Ф.М. Достоевского Б.Н. Тихомиров в статье «Был ли заключенный Омского острога Павел Аристов прототипом Аркадия Ивановича Свидригайлова?» приходит к заключению, что между Аристовым и Свидригайловым «нет и не может быть никакой внутренней связи». Автор убедительно доказывает, что речь идет о двух совершенно разных нравственно-психологических типах [Тихомиров, 2017, с. 48]. Как бы то ни было, этого человека в реальности звали Павел Аристов, и их пути с Достоевским пересеклись в Омской каторге, где они вместе отбывали ссылку.

Как известно, писатель, обвиненный по делу петрашевцев, отбывал приговор в Омском каторжном остроге с 1850 по 1854 г. Кроме петрашевцев, на тот период в остроге содержались каторжане, совершившие различные преступления – от уголовников до польских повстанцев. Среди них и находился Павел Аристов, поразивший Ф.М. Достоевского своими пороками. На судьбе этого ссыльного вкратце рассмотрим практику наказания в Российской империи в XIX в. и

откроем новые имена ссыльных в истории Якутии. При реконструкции биографии данного ссыльнопоселенца использовались как ранее изученные материалы исследователей жизни и творчества писателя, так и неопубликованные документы, хранящиеся в фондах Национального архива Республики Саха (Якутия). Актуальность исследования вызвана необходимостью пересмотра ряда моментов, связанных с историей политической ссылки в Якутии и разрушением в массовом сознании граждан некоторых стереотипов, дошедших практически до наших дней.

Впервые Аристов писатель упоминает в «Записках из Мертвого дома» под именем «А-в», где дает ему гневно-презрительную характеристику: «Это был самый отвратительный пример, до чего может опуститься и исподлиться человек и до какой степени может убить в себе всякое нравственное чувство, без труда и раскаяния ...», «... я вспоминаю об этом гадком существе как об феномене. Я несколько лет прожил среди убийц, развратников и отъявленных злодеев, но положительно говорю, никогда еще в жизни я не встречал такого полного нравственного падения, такого решительного разврата и такой наглой низости, как в Ав-е...» [Белов, 2001, с. 54–55]. Что могло вызвать столь резкое отторжение у писателя, которого в каторге действительно окружали различные преступные элементы?

Павел Аристов (1828 г. р.) происходил из неслужащих дворян Московской губернии. В 1847 г. он составил в III Отделение донос на ряд лиц, якобы организовавших тайное общество с целью посягнуть на жизнь особ царской фамилии [Там же, с. 54]. Желая предупредить правительство о преступных замыслах данного общества, Аристов вступил в эту группу и попросил предоставить ему в связи с этим деньги на расходы (274 руб. серебром). Получив необходимую сумму, он предоставил некий список из 89 человек – предполагаемых участников группы. Но при изучении документов арестованных по списку людей ничего компрометирующего обнаружено не было. В результате столь грубой попытки оговорить безвинных его приговорили к каторге с лишением всех прав состояния.

О преступлении, за которое его приговорили к каторге, вспоминал П.К. Мартынов: «Художник, доносчик и друг плац-майорского денщика Федьки – был Аристов, когда-то принадлежа-

щий к кучке золотой молодежи. Прокутив в молодости состояние и исподличавшись потом на добытии средств, он поступил в сыщики. Здесь, желая сделать поскорее карьеру, оговорил до десятка неповинных людей в противоправительственных заговорах, и, когда, оказалось, по расследованию, что это все ложь, понес то наказание, которое злоумышленно готовил другим ...» [Там же, с. 53].

Также интересны воспоминания об Аристове в период Омской каторги Ш. Токаржевского: «... В каторге прозвали Аристова “Крапо”. Прежде всего, Павел старался приобрести благосклонность плац-майора. Заключение под арест, презираемый всеми каторжниками, Аристов не покаялся: он подделывал паспорта, делал фальшивые деньги и, наконец, составил план побега из каторги» [Там же, с. 53–54]. Дальше Токаржевский вспоминает о двух попытках Аристова к бегству. В первом случае Аристов попался на этапе подготовки. У него обнаружили готовые печати, формы для фальшивых денег, бумагу для паспортов. Во втором случае ему удалось совершить побег с двумя заключенными. Они прятались и ждали, пока отрастут усы и волосы на голове, но были пойманы на 17-й день после побега.

В обоих случаях его ждало жестокое наказание. 12 января 1853 г. Аристов «за намерение составить фальшивый билет и за вырезку фальшивой печати» получил 300 ударов, а 13 августа 1853 г. «за побег и утрату казенных вещей» был наказан шпицрутенами через 500 человек 2 раза [Там же, с. 55].

Сохранилось письмо дяди Аристова Н.И. Панова, в котором он пишет, что его племянник до пресловутого дела с наветом «... в Воронеже сидел в остроге за кражу, в Твери обокрал дядю, в Рязани, выдавая себя за высокопоставленное лицо, собирал деньги, в Москве ввязался в спекуляцию ...». Вторит словам дяди и его отчим, который охарактеризовал пасынка следующими словами: «Он вор – по призванию, преступник – по инстинкту» [Там же, с. 54].

Одним словом, Павел Аристов уже в молодости встал на преступный путь, и к моменту пребывания в Омской каторге у него сложилась определенная репутация, вобравшая в себя многие пороки общества тех лет. Показательно, что все люди, с которыми связывался

или общался Аристов, считали его человеком лживым и гнусным.

Эти подробности необходимы для того, чтобы понять характер и мотивы действий Аристова уже в Якутской области. С молодых лет вставший на преступный путь и обладавший авантюрным складом ума, Аристов и в ссылке продолжал попадать в разные неприятные истории, к которым его тянуло словно магнитом. В ответ государственная система наказания того времени каждый раз выносила приговор один суровее другого.

13 мая 1863 г. в Якутском земском суде рассматривалось дело о поимке бежавшего с Витимской волости Киренского округа поселенца Павла Аристова. Из материалов судебного дела выясняется судьба этого арестанта на территории Якутии. В частности, получает документальное подтверждение то, что в 1849 г. он «за ложное возведение на невинных людей преступления» был сослан на каторжную работу в Омскую крепость сроком на десять лет [НА РС (Я). Д. 5205. Л. 8]. За намерение составить фальшивый билет и за вырезку фальшивой печати по конфирмации (судебному приговору) Омского коменданта был наказан 300 ударами (если верить вышеупомянутому Токаржевскому, вместо 300 розог он получил только 70, так как экзекутор не мог примириться с тем, что можно сечь дворянина) [Белов, 2001, с. 54]. Впоследствии за побег с работ с утратой казенных вещей по конфирмации командира сибирского отдельного корпуса наказан шпицрутенами 600 человек по два раза с оставлением в крепости. Что интересно, в статейном списке из судебного дела было указано иное количество ударов, к которым был приговорен несчастный Аристов – 600 по два раза (вместо 500 – по воспоминаниям каторжников), т.е., если верить документам, он в сумме получил 1200 ударов [НА РС (Я). Д. 5205. Л. 8 об.]. Трудно сказать, приведен ли был в исполнение столь суровый приговор в полном объеме. Но согласно статейному списку, в 1856 г. по предписанию он был переведен в род исправляющихся с причислением в отряд военносрочных, а в 1856 г. по Милостивейшему манифесту и вовсе «от крепостных работ освобожден и сослан на житье в Витимскую волость Киренского округа» (Иркутская губерния) [Там же], т.е. по отношению к Аристову власть при-

менила стандартную практику, отправив его на территорию Иркутской губернии, причем местом ссылки был выбран Киренский округ, наиболее отдаленный и малонаселенный.

На севере округ граничил с территорией Якутской области, где с 40-х гг. XIX в. добывалось золото (Олекминские и Витимские прииски). Ссылные на данной территории часто устраивались на работу в прииски с целью иметь заработок или возможность отлучиться от места водворения; поэтому вполне логично, что по прибытии на место поселения Аристов не стал просиживать там, а направился в соседний Олекминский округ Якутской области. Там он отработал около четырех лет на золотых приисках «у почетного гражданина Соловьева и гражданина Базилевского» [Там же]. С одной стороны, подобного рода практика широко применялась ссылными, но с другой – тяжелый труд, неустроенность быта, развращающая приисковая жизнь нередко становились причинами бродяжничества среди ссылных. Многие из них после этого вообще не хотели заниматься каким-либо полезным трудом, предпочитая бродяжничать или, возвращаясь на места поселения, жить за счет общества [Макаров, 2005, с. 129].

Однако изворотливый и хитрый Аристов, судя по всему, попытался вырваться из этого круга. В декабре 1861 г. он с доверенным Базилевского, чиновником Маркеловым, выехал в Иркутск для встречи с губернатором. Теперь уже невозможно установить, что планировал предложить губернатору ссылнопоселенец Аристов. Существует версия, согласно которой иркутский губернатор был каким-то образом оговорен им ранее, и, узнав Аристова, приказал выслать его «в самое глухое место Якутской области» [Белов, 2001, с. 55]. В действительности же, исходя из материалов судебного дела, тот приказал просто выслать его обратно в Витимскую волость «с тем, чтобы с места поселения его никуда не увольнять» [НА РС (Я). Д. 5205. Л. 8 об.].

После этой неудачи поселенец Аристов в июне 1862 г. якобы с ведома писаря-крестьянина Беспалова вновь без разрешения отлучился в Олекминский округ на так называемую «Мачинскую резиденцию» за оставленными на месте работы у Базилевского вещами и деньгами [Там же. Л. 9]. Но на территории Олекминского округа (Мачинская резиденция) Аристов был

задержан горным исправником Измайловым. Открытое предписание от 17 июня 1862 г. за №1535 гласит: «... по не имению у него письменного вида и отправлен в Витимское волостное правление» [Там же]. На обратном пути следования Аристов, пользуясь слабым надзором, ушел с дороги (в районе Мурьинского селения) и, перейдя границу Иркутской губернии, бежал вниз по реке Лена. Он дошел до г. Якутска, но не рискнул туда заходить. Обойдя город, решил переправиться через Лену. Далее отправился по Аянскому тракту, но, не дойдя до Усть-Маи, был пойман и 15 сентября 1862 г. представлен в Земский суд. Во время пути следования, по собранным сведениям, он никаких преступлений не совершал (единственное – называл себя разными именами) [Там же]. В процессе следствия сразу подтвердился факт несогласованной отлучки с места поселения.

Кроме того, параллельно в это же время Аристов проходил как подозреваемый в краже у поверенного Лихачева 103 рублей серебром. Верный своим дурным привычкам, Аристов продолжал попадать в неприятности везде, где бывал. Хотя справедливости ради стоит сказать, что по факту кражи он впоследствии от суда был освобожден [Там же. Л. 9 об.–10].

Якутский земский суд, учитывая все обстоятельства, вынес следующий приговор (от 3 мая 1863 г.): 25 ударов с нанесением клейма на левой руке ниже локтя и на лопатке с буквами «С.П.» и «... обратить на место прежнего поселения ...» [Там же. Л. 12 об.]. Согласно Уставу о ссылных, все «беглые ссылные-поселенцы и каторжники в пределах Сибири или вне оной пойманные, независимо от уставленного за побег телесного наказания подвергаются клеймению особым клеймом ...» [Там же. Л. 11]. У беглых ссылных-поселенцев и каторжных, пойманных в пределах Сибири, клеймо ставили на левой, а у пойманных вне Сибири – на правой руке, ниже локтя и на лопатках с буквами «С. П.» (ссылный-поселенец) или «С. К.» (ссылный-каторжник). За каждый новый побег прибавляется новое клеймо на руке и лопатке.

Но еще находясь под следствием, Аристов неожиданно обратился с просьбой о причислении его к Якутской области, а именно отправить на поселение в Вилюйский округ [Там же. Л. 38]. Трудно понять логику его решения, но, воз-

можно, на месте прежнего поселения его ждали недоброжелатели. Тем не менее, его просьба судом была удовлетворена.

В 1864 г. Павел Аристов был причислен к IV Тогуйскому наслегу Средневилюйского улуса Вилюйского округа Якутской области. В графе «Род занятий» указано: «Ничем не занимается» [НА РС (Я). Д. 515. Л. 26]. Согласно «Уставу уголовного судопроизводства» 1876 г., как представитель дворянского сословия он мог получать от казны определенное пособие. К примеру, Н.Г. Чернышевский с 1871 г. в год получал 205 руб. 44 коп. [Макаров, 2005, с. 133]. С 1879 г. выдача пособий могла прекратиться, если ссыльный практиковал какую-нибудь хозяйственную деятельность. Можно предположить, что Аристов особо не стремился заниматься чем-либо полезным. Возможен и другой, более жизненный вариант: потеряв всякий интерес к жизни, бывший представитель «Московской губернии из неслужащих дворян» жил за счет инородцев указанного наслега. В таком случае устройство его жизни, обеспечение продуктами и одеждой становились тяжелой обязанностью инородческого общества.

До революции IV Тогуйский наслег состоял из четырех родов: Кулятского, Эджанского, Юкалинского и Балагатчинского [Справочник ..., 1911, с. 90]. Земли указанных родов на сегодняшний момент распределены между Тогуским (с. Балагачча) и I Кюлетским (с. Усун) наслегами Вилюйского улуса Республики Саха (Якутия). Учитывая разряд (ссыльнопоселенец) и повторявшиеся нарушения, Аристов вряд ли мог рассчитывать на помилование; скорей всего он был оставлен на вечное поселение в IV Тогуйском наслеге. В 80-х гг. XIX в. его имя уже не встречается в списках сосланных в Средневилюйский улус. Следовательно, можно предположить, что он к тому времени уже умер и мог быть похоронен на территории указанных выше современных наслегов.

В 1874 г. в заявлении старшины Жахутского рода Василия Феодорова, адресованном Епископу Вилюйскому и Якутскому Дионисию, неожиданно всплывает имя сосланного на жительство Павла Аристова (он пишет от лица неграмотного инородца). На типичном для того периода прошении о причислении тунгусов указанного рода к Мастахской Покровской

церкви фигурирует довольно жесткая резолюция, написанная рукой самого епископа: «О. Иову обратить нужно внимание на проделки этого писаки: он подучен кем следует ...» [НА РС (Я). Д. 594. Л. 4–4об.]; т.е. складывается впечатление, что Дионисий имел представление о ссыльнопоселенце Аристове и о его злоключениях. Собственно, с этой интригующей фразы и началось небольшое расследование автора о судьбе Павла Аристова – человека, поразившего Ф.М. Достоевского своими пороками и удивившегося в «Записках из Мертвого дома» столь нелестной характеристики великого писателя.

Если на начальном этапе ссылка рассматривалась не только как наказание, но и была связана с хозяйственным освоением северных территорий, то со второй половины XIX в. она становится массовым явлением и мерой уголовного наказания. Учитывая преобладание уголовного элемента и иждивенческое отношение к местному населению большинства категорий преступников, ссылка в целом рассматривается как отрицательное явление. На примере Павла Аристова можно увидеть, что на территории Якутской области оказывались люди самых разных судеб и биографий. Чаще всего мы говорим о положительном вкладе, который внесли ссыльные революционеры в развитие общественных отношений в Якутии, но при этом тлетворное влияние, оказываемое на местное население остальной категорией каторжан, которых было абсолютное большинство, нередко обходимо стороной.

Литература

Белов С.В. Ф.М. Достоевский и его окружение // Энциклопедический словарь: в 2 т. – СПб.: Алетейя; Российская национальная библиотека, 2001. – Т. 1. – 576 с.

Макаров И.Г. Уголовная, религиозная и политическая ссылка в Якутии: Вторая половина XIX в. – Новосибирск: Наука, 2005. – 259 с.

НА РС (Я). Ф. 35. Оп.1 Д. 515; Ф. 180. Оп. 1. Д. 5205; Ф. 226. Оп. 2 Д. 594.

Справочник Якутской области на 1911 год / под ред. секретаря Комитета М.П. Николаева; Якутский статистич. комитет. – Якутск, 1911. – 212 с.

Тихомиров Б.Н. Был ли заключенный Омского острога Павел Аристов прототипом Аркадия Ивановича Свидригайлова? // Неизвестный Достоевский. – 2017. – № 4. – С. 48–55.

P.D. Batyushkin

Criminal Exiles in the Yakutsk Region in the 19th Century (on the Example of Pavel Aristov's Fate)

In the article, the author briefly reviewed the main provisions on the categories and categories of exiles sent to settle in the Yakutsk region, showed the practice of punishing criminals in the 19th century, first examined the "Yakut period" in the fate of Pavel Aristov, a man convicted of numerous crimes and serving his sentence in Vilyuisky region. The author has studied the following moments of his life: the crime committed by him for which he was sentenced to imprisonment in a penal colony, attempts to escape and punishment, as a result of which he ended up on the territory of the modern Vilyuisky ulus of the Republic of Sakha (Yakutia). Most fully, Pavel Aristov was mentioned by the great writer in "Notes from the Dead House". In addition, according to the old interpretation, for a long time he was considered to be the prototype of one of the heroes of the novel "Crime and Punishment". However, recent studies prove the fallacy of such an opinion. Using his fate as an example, the author cites eloquent evidence about the category of exiles exiled to Yakutia in the pre-revolutionary period. The article touches on the role of gold mines in the life of exiles in Yakutia. In addition, the practice of keeping exiled settlers by a foreign company is considered. The author comes to the conclusion that the practice of sending criminals to Yakutia negatively affected the social development of the region.

Keywords: exile, discharge of exiles, Siberia, Yakutsk region, F.M. Dostoevsky, P. Aristov, punishment, gold mines, Zemsky court, IV Toguisky village, Bishop Dionysius